

ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНИЕ!

Мы встретились в балетном классе республиканского музыкального театра. Болгарский писатель Димитр Добревски, работающий сейчас над либретто балета «Яна», который собирается поставить наш театр, пришел посмотреть репетицию заслуженной артистки Коми АССР О. Коханчук и народного артиста республики И. Кочеткова. Ольга — одна из предполагаемых исполнительниц партии Яны.

Я собиралась написать очерк об этих танцовщиках.

— Давайте напишем вместе, — предложил Добревски.

Так родился этот материал.

Фотографии Леонида Жданова, в прошлом ведущего танцовщика Большого театра, сегодня печатаются во всех крупных журналах страны и за рубежом. Им свойственны глубокий психологизм, тонкий вкус и завидная многогранность. И все-таки лучшие его снимки — о балете. Вот один из них. Только что опустили занавес. Оглушительно гремят аплодисменты, а ведущая балерина идет не на поклон, а за кулисы, чуть передохнуть. На лице ее страшная усталость. Как маской из ртути, оно покрыто тысячами капелек пота, светящегося в лучах прожекторов. А через минуту она снова выйдет на «бис», счастливая, легкая, неземная.

Хочется остановиться именно на этом мгновении, лежащем, казалось бы, между полным опустошением и величайшим взлетом души. Оно предопределяет творчество и шифрует характер.

«Случилось так, что на сдаче ответственной комиссии балета «Корсар» Ольга потянула ногу. А завтра премьера. Первая работа в театре нового балетмейстера. Спектакль срывался из-за нее. Переселилась в боль и сомнение, она вышла на сцену и оттанцевала свою партию. Правда, не так, как смогла бы еще вчера, но спектакль был спасен ее вдохновением и вдохновением всей труппы. Артисты из безграничной фантазии балетмейстера и своей собственной, из бесконечных репетиций, погребенных в балетном классе, из безукоризненного трудолюбия дирижера и музыкантов, из борьбы самолюбий, из тысячи жестов и эмоций вылепили многоликий, еще чуть угловатый, но уже живой и яркий образ нового спектакля...

Бездарных людей нет. Но существуют сотни и сотни людей, которые так и не сумели найти себя, открыть в себе талант. И как хорошо, что этого не произошло с Коханчук.

Что добавляют мне, иностранцу, факты биографии этой балерины? Что добавляют цифры спектаклей и названия школ, даты премьер на ее тернистом творческом пути? На сцене я вижу ее в какой-то части ее целостной творческой жизни, когда она реализует и для себя, и для меня, и для всех, кто в зале, свою техническую подготовку и творческую индивидуальность.

Я зритель. Я вижу ее со своего седьмого ряда, и эфирная пластика ее рук напоминает мне поверхность колышущейся

от легкого ветра воды. Есть на моей родине лани. Одна каждое утро пробегает через мой двор. И грациозность Ольги Коханчук я сравниваю с грациозностью этой лани. Для меня каждое появление балерины со сцены музыкального театра северной республики — встреча с большим искусством.

«Труд балерины сродни подвигу. Плата за него — изматывающие физические нагрузки, и пристрастное отношение к себе, и раскаяние, что на единственного ребенка почти не остается времени. Его на многое не остается.

В театре она все делает сама: перешивает пачки, накладывает грим, придумывает себе прически, расшивает костюмы. И еще выполняет массу общественных нагрузок как член партбюро, художественного совета, правления ВТО. И еще преподает в хореографической школе, первой в республике, готовящей для театра будущие кадры...

Театр щедро одаривает одержимых и не прощает неправды. Этому ее научили с детства. У нее было трудное детство. Потом годы учебы в Пермском хореографическом училище. В то первое послевоенное десятилетие училище, как и вся страна, жило бедно и напряженно. Не хватало жилья, классов, оборудования. Но талант и самоотверженность преподавателей превратили Пермское хореографическое в ведущую балетную школу страны. Его выпускники успешно работают во всех театрах Союза.

— За тебя я спокойна, — сказала Ольга Коханчук на выпускном вечере ее педагог, заслуженный работник культуры РСФСР Н. Д. Сильванович. — Ты крепкая балерина.

Это была высшая похвала. Как давно это было?

— С самого начала я готовлю себя к тому, что придется уходить. Это жестокий, но справедливый закон сцены. А пока хочется превзойти себя...

Мы никогда не успеваем в ходе одного представления проанализировать все «за» и «против» происходящего на сцене. Но неизменно, если спектакль удался, от него остается обаяние, которое и определяет дальнейший интерес к преподнесенному нам искусству. Искусство Коханчук, по сути дела, покоряет раз и навсегда своей щедростью и самоотдачей. От «Яг-морта» до сегодня в «Корсаре».

Условное искусство высшей грации понятно миллионам.

ЛЮДИ ИСКУССТВА

Его язык поэтичен и прост. И если во мне, человеке, у которого от долгого жизненного опыта, может быть, несколько притупилась острота восприятия, сразу же зажигается восторг покоренного зрителя, значит, я взволнован по-настоящему. И хочется воскликнуть: «Остановись, мгновение! Ты прекрасно!».

Теперь о другом человеке. Ее партнере, ее друге, ее муже. Когда они возвращаются домой, веселые, возбужденные, счастливые, восьмилетняя Наташка знает: спектакль прошел хорошо. Сколько она себя помнит, они всегда вместе, ее родители. Вместе уходят, вместе приходят, вместе разучивают дома новые партии.

— Не устаеете друг от друга? — не совсем тактично спрашиваю я Наташину родителей. — Все время вместе.

Наташка смотрит на меня серьезно и осуждающе.

— Нет, — улыбается Игорь. — На сцене я ведь танцую не с Ольгой, а с Жизель, Одеттой, Медорой... Видите, какое разнообразие характеров. И каждый раз после встречи с ними — встреча с новой Ольгой. Любая партия обогащает.

«Игорь Кочетков, выпускник Иркутской хореографической студии, смотрел на Ольгу Коханчук, приехавшую в 1961 году в театр, с почитательным уважением. Его подкупали ее профессионализм, самоотверженная преданность балету, радовал горячий прием сыктывкарцев. И когда они

начали работать вместе, он думал больше всего не о том, как создать образ, а о том, чтобы не подвести свою одаренную партнершу.

— Честно говоря, мне просто не хватало хорошей школы. Пришлось много работать над собой. Кроме того, я долго не мог найти своего амплуа, — признается И. Кочетков.

После постановки балета Кара-Караева «Тропью грома» молодой танцовщик словно прозрел. Его герой — негр Лени, страстный, свободолюбивый, искренний человек, был близок ему. Впервые Игорь Кочетков почувствовал, что танец — это не только техника, но и душа, одухотворяющая его. С этого времени для него начался период переосмысливания всех оттанцованных партий.

Сегодня мы говорим о народном артисте республики Игоре Кочеткове как о танцовщике героического амплуа. И это он подтвердил последней своей работой — партией Конрада в балете «Корсар».

— Для каждого танцовщика — счастье встретиться с хорошим балетмейстером. Меня обогатила работа с главным балетмейстером театра Л. Н. Флегматовым.

Партию Медоры танцует в спектакле Ольга Коханчук. А мы с вами имеем сегодня возможность говорить о прекрасном дуэте, в котором каждый из партнеров подчеркивает творческую индивидуальность друг друга.

Можно позавидовать их судьбе. Пролетели 15 лет из отпущенных танцовщикам двадцати. Для истории это мгновение. Для них — жизнь. Но жизнь, которая вошла в историю коми национального искусства.

**Н. МИРОШНИЧЕНКО,
Д. ДОБРЕВСКИ,
болгарский писатель.**

На снимке: сцена из балета «Корсар». Партию Медоры исполняет О. Коханчук, Конрада — И. Кочетков.

Фото С. Пугачева.

